

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К
НАПЕЧАТАННОМУ

В 14 номере нашей газеты в заметке «Сегодня это не сенсация» была допущена ошибка в названии должности человека, совершившего кражу ковра из административного здания в Ингулецком районе. На самом деле кражу совершил второй секретарь Ингулецкого райкома комсомола Гуль.

Именно этот комсомольский лидер в дни августовского переворота, откликнувшись на постановление ГКЧП, со страниц городской газеты «ЧГ» обещал начать решительную борьбу с элитным насилием и сексом.

С. Д.

Криворожские ВЕДОМОСТИ

ФОНД СОДЕЙСТВИЯ МИЛИЦИИ

№ 15
ноябрь
1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «МЕТАЛЛУРГ»

♦ Выходит с февраля 1991 года ♦

♦ Цена 50 коп.

ДЛЯ ВАС

КУПЛЮ

♦ однокомнатную выплаченную квартиру в левом районе города. Тел. 28-18-56 (после 16.00).

♦ разбитую машину марки ВАЗ-2103, 2106.

Обращаться по адресу (письменно): Планова, 44; а также по телефону 71-92-28-93 (после 16.00).

♦ одно- или двухкомнатную квартиру в любом районе города 71-67-80. Ежедневно после 17.00.

♦ холодильник, диван-кровать (новое или б/у в хорошем состоянии). Тел. 53-02-07.

ПРОДАЮ

♦ свадебные платья ручной работы. Тел. 44-48-51 (после 19.00)

♦ пианино «Украина». Тел. 44-08-57 (в любое время)

МЕНЯЮ

♦ двухкомнатную квартиру (27,4 кв. м., 6 этаж 9-этажного дома, с телефоном) в р-не автовокзала на равноценную в других районах города. Тел. 74-74-19 (в любое время).

♦ трехкомнатную квартиру в Кривом Роге (ул. Косыгина, 3-й этаж, телефон) и однокомнатную кооперативную выплаченную в Волгограде (ул. Фадеева, 2-й этаж, телефон) на одно-двухкомнатную в Кривом Роге или трех-двухкомнатную в Волгограде, Или квартиру в Кривом Роге на две: в Волгограде и Кривом Роге.

Предложения адресовать: 324082, Кривой Рог, а/я 1094

♦ небольшой частный дом из двух комнат в Центрально-Городском районе по ул. Печерской, 1. По улице проведен газ, но не подключен, есть сарай, погреб, небольшой участок, фруктовые деревья, вода во дворе, большая веранда — на двух- или трехкомнатную квартиру (по договоренности) в Центрально-Городском районе (улицы Ленина, Харитонова, Украинская, Пушкина, Лермонтова и т. д.). Все вопросы по телефону 78-40-70 с 8.00 до 17.00, кроме субботы и воскресенья.

♦ 2-комнатную новую собственную квартиру, 29,8 кв. м., 2-й этаж — на 3-комнатную. Тел. 78-38-41 с 8.00 до 17.00

ИЩУ РАБОТУ

Секретарь-референт, владеющий практическими знаниями работы на компьютере (может вести работу инспектора отдела кадров) ждет предложений по трудовому устройству.

Обращаться по адресу: п/о 57, До восстановления паспорт 582108.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

собака породы бладхаунд (окрас рыжий). Пропала 17.11.1991 из двора дома 3 по ул. Коксохимической. Обращаться в кв. 1 или по тел. 71-55-52, 71-56-34, с 9.00 до 21.00 (за вознаграждение).

♦ Частные объявления в «ВЕК» — бесплатно!

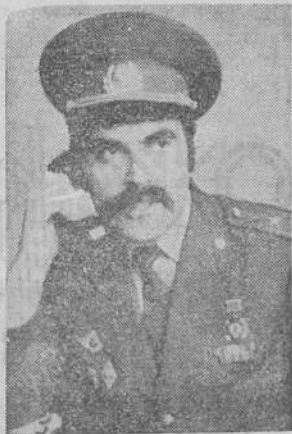
Обращайтесь к нам по телефонам: 78-34-82, 78-47-35 с 9.00 до 16.00 ежедневно, кроме субботы и воскресенья.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

«ВЕК. Криворожские ведомости»

ОКАНЧИВАЕТСЯ 30 НОЯБРЯ

НАШ ИНДЕКС 30402

— Пожалуй, самым трудным там было привыкнуть к тишине в покинутых людьми населенных пунктах: на многие километры ни души, ни звука. Эта тишина как бы вваливается и давит на человека, — вспоминает о своем пребывании в Чернобыле в дни ликвидации последствий аварии Юрий Иосифович Пейсахович.

Послужной список майора милиции Пейсаховича, который, в общем-то, стал основной частью его биографии, таков: после окончания Ленинградского горнорудного института попал по спецнабору на работу в милицию. Пять лет службы в уголовном розыске в Ашхабаде, затем работа в районных отделах внутренних дел г. Кривого Рога.

В январе 1987 года, по личному рапорту, был направлен в Чернобыльскую зону. В течение четырех месяцев находился на службе в Припятском ГОВД в должности оперативного дежурного, а затем — начальника штаба. Кроме исполнения прямых обязанностей приходилось и непосредственно принимать участие в работах по ликвидации последствий аварии с личным составом припятской и черновильской милиции, военными Советской Армии, местными жителями — работниками атомной станции.

Патрульная служба, охрана имущества, строек, складов, борьба с

мародерством. До августа 1986 года никакой регистрации преступлений не было, вот и создавалось впечатление, что их вовсе нет. Но преступлений было довольно много. Грабители взламывали двери покинутых домов и квартир, забирали ценности и имущество. Был случай, когда в зоне укрылся вор-рецидивист, находящийся во всеобщем розыске. Была и попытка хищения продовольствия на сумму 4 тысячи рублей работниками столовой.

Словом: это было, было, было...

Но было, конечно, и другое. — В местах расположения личного состава, — вспоминает Юрий Иосифович, — по вечерам были слышны песни, шли шахматные баталии, спортивные турниры. На сцене нового Дворца культуры работников давались концерты профессиональных и самодеятельных артистов, состоялась товарищеская встреча-конкурс «А ну-ка, парни». Как бы тяжело ни было, жизнь не замирала ни на минуту. Из Чернобыльской зоны привез майор милиции 27 поздравительных грамот, свидетельство «ликвидатора» да 9 рент-

ЖИЗНЬ «ДО» И «ПОСЛЕ»

ген облучения. А может быть, и больше: в то время их точно никто не считал.

Благодарность за мужа получила и его супруга.

В настоящее время работает Юрий Иосифович старшим инспектором охраны общественного порядка линейного отделения внутренних дел в аэропорту Кривой Рога.

— Основная наша задача, — говорит он, — это обеспечение безопасности полетов. Делаем для этого все возможное. За 9 месяцев 1991 года при досмотре пассажиров изъято 30 единиц холодного оружия, 370 патронов, задержано 4 перевозчика наркотиков. Патрульно-постовой службой задержаны три преступника, находящихся в розыске, и пять дезертиров из СА. В общем, обычная работа.

И опять воспоминания о тех нелегких чернобыльских днях, людях, с которыми приходилось плечом к плечу работать в зоне, рискуя своим здоровьем, а может быть, и жизнью.

— Чернобыль разделил всю жизнь пополам: на «до» и «после», — говорит Юрий Иосифович.

Может быть, поэтому и родились строки стихотворения, посвященного друзьям припятчанам и соратникам по Чернобылю.

Ю. ПЕЙСАХОВИЧ ПАМЯТНИК

Как давит эта атомная пыль...
Как тяжелы пустынные дороги...
На языке миллионов Чернобыль
Стал центром человеческой тревоги.
Прошло пять лет...

А больно, как тогда...
И дело нести — память о погибших.
Напоминаям страшным та беда,

Но разве дело только в обелисках?
Они любили Припять, как никто...
Здесь благодатный край земли

Полесской
Той страшной ночью превращен
в ничто

На многие года, почти навеки.

Мы, как ни странно, продолжаем

врать,
Но узнаем про новые несчастья.
А миллионы судеб вновь, опять
Нуждаются в заботе и участии.

Особой метой нынче календарь —
Печальный день весеннего апреля...
Оглядываясь в прожитую даль
И чувствую — остановилось время.
Почтим, друзья, святую тишину
На всю страну минутой молчанья.
Сумели мы переступить черту
Безмерного народного отчаянья.

Теперь пора вести другой отсчет.
Та зона долго будет мертворожденной.
И, главное, что будет нам в зачет:
Мы выдержим, пожалуй,

мы способны.
Пересмотреть в самих себе изъян.
Понять его, и строже стать, и чище.
Какой ценой оплачен был обман!
Он обернулся наших сел затишьем.

Всему есть срок. Еще настанет день...
Нет, нам не нужен фейерверк салюта
Во здравье тех, кто встал в тот страшный день,
И жизни счет пошел лишь на минуты.

Подготовил
Геннадий ОМЕЛЬНИККИЙ.

АРЕНДА

в системе крепостного права

Просим редакцию газеты о помощи. Дело в том, что мы, бригада арендаторов в количестве 5 человек, заключили с совхозом им. Шевченко Криворожского района договор сроком на три года — с 3.11.88 г. по 31.12.91 г. — на выращивание рыбы. Но договор этот принес нам одни неприятности и ункнения.

Согласно законодательству об аренде, мы довольно легко взяли в аренду собственность пруд площадью 8,2 га и заключили договор, согласно которому мы должны платить совхозу за аренду 3 тысячи рублей в год. Вначале, как бы в форме кредита, совхоз выдает нам деньги на покупку рыбы, обеспечивает кормами и ежемесячно выплачивает аванс по 70 рублей на каждого члена бригады. Мы же, согласно договору, должны были кормить рыбу, охранять пруд и производить необходимую по его содержанию работу. А в конце года реализовывали выращенную рыбу и рассчитывались с совхозом за кредиты, корм и аванс. Остальное, если что-то останется, идет нам на зарплату.

С одним директором совхоза договор был заключен, а с другим, который пришел ему на смену, вот уже два года бригада остается без зарплат и выясняет отношения. Нынешний директор В. Мельник не дал нам ни грамма кормов, не дал возможности выловить и реализовать рыбу. Причины таковы.

В 1988 году, когда мы брали пруд в аренду, он был без воды, но весной наполнился. До того времени пруд три года не заполнялся водой, и дно его

заросло травой и кустарником. Это, конечно, полезно для рыбы, но неудобно при ее вылавливании неводом. Директор же совхоза воспользовался этим, запретив нам провести сток пруда, из-за чего рыба осталась невыловленной. Он объяснил нам: ловить любым способом, но спуск воды (чтобы рыба вышла из камыша) не разрешил и, стуча пальцем по столу, добавил: я заставляю вас оплатить совхозу все долги. Хотя рыба осталась в совхозном пруду.

Удочками нам удалось выловить рыбы на 720 рублей, которые мы и сделали в совхозную кассу в счет погашения долга. Одно из главных причин конфликта — это старая крепостная система хозяйствования на селе, при которой директор совхоза может бесплатно кормиться сам и кормить «нужных» людей (выражение директора) за счет общественного хозяйства. Директор со своими управляющими дважды устранил на нашем пруду быльки, при этом вылавливая сетями большое количество рыбы. Привозил к нам на рыбалку «нужных» людей, или давал указания личному водителю, чтобы тот наловил кому-то из «нужных» ведро или два рыбы. К нам на рыбалку ходили все: и профорг, и экономист, и главный бухгалтер, и юрист. Но в одно время мы запретили кому-либо ловить рыбу в арендуемом нами пруду, так как почувствовали, что к концу года так останутся одни лягушки. На наш запрет директор и отреагировал тем, что не разрешил частичный спуск из пруда, сославшись на то, что в договоре об этом ничего не говорится.

Жители села Высокое Поле, возле которого находится пруд, дали согласие на частичный спуск воды из пруд-

да. Дала такое же разрешение инспекция по охране природы. Для питьевой воде в пруду не пригодна, для полива, согласно анализу, она также не подходит, тем более, что водонасосов на пруду не было и нет. Но директор упрямо стоял на своем. Затем 28.12.89 в одностороннем порядке расторгнул договор и отстранил нас от работы, оставив у себя и рыбу, и нашу зарплату, а трудовые книжки выдал нам лишь 18.04.90 г., из-за чего мы четыре месяца не могли устроиться на работу.

По поводу несправедливости, učinенной над нами директором совхоза В. С. Мельником, мы обращались в районный контроль, к председателю райисполкома, в Криворожский агропром, партком и профком совхоза, облагопром, обисполком, обком профсоюзам, в газеты «Труд», «Сельская жизнь», в журнал «Человек и закон» и наконец к бывшему премьер-министру Рыжкову и к Президенту Горбачеву. Во всех своих обращениях мы просили, чтоб назначили комиссию по разрешению нашего конфликта, но отослуду наше дело направлялось «на места»: или в прокуратуру Кривого Рога, или директору совхоза... Наше дело на протяжении последних двух лет безрезультатно коучет из одного суда в другой.

Из всего этого следует, что, объявив пороги вышестоящих организаций в поисках справедливости, мы почти потеряли веру не только в законы, но и в перестройку. Ведь из наших мытарств в поисках справедливости мы пока поняли лишь одно, что сытые голодным не верят. Так чему же должны верить мы?

Б. С. Арсенов, Н. Е. Арсенова, П. И. Тимченко, Н. О. Тимченко, бывшие арендаторы.

Наш комментарий.

Это письмо пришло в редакцию в середине августа с. г., после чего корреспондент дважды выезжал в Жовтневый нарсуд на судебные разбирательства, связанные с этим конфликтом. Но оба раза — и в августе, и в сентябре — дело откладывалось. Первый раз из-за встречного иска, второй — из-за очередной неявки в суд представителей совхоза. На ноябрь назначено очередное судебное заседание, но у арендаторов, как, кстати, и у корреспондента, нет уверенности, что оно состоится. Складывается впечатление, что руководство совхоза считает ниже своего достоинства держать ответ перед законом. А пора бы уже перед ним отчитаться, тем более, что есть претензии к В. С. Мельнику и у других арендаторов.

После того, как Жовтневый нарсуд, надеемся, расставит все точки над I в этом конфликте, редакция вернется к этому материалу.

Сергей ДАРАГА.

УВД КРИВОГО РОГА И «КРИВОРОЖСКИЕ ВЕДОМОСТИ» ПРЕДУПРЕЖДАЮТ: НА СМЕНУ АВТОМОБИЛЬНОМУ ПРИХОДИТ «ШАПОЧНЫЙ» СЕЗОН. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

◆ Проникающее ножевое ранение брюшной полости М., 1956 г. р., и проникающее ножевое ранение М., 1965 г. р., зафиксировано в Дзержинском р-не.

◆ В Долгинцевском р-не в тот же день в гараже кооператива обнаружен труп Л., 1962 г. р., без следов насильственной смерти.

◆ На другой день в Жовтневом р-не в подъезде дома в 5-м Заречном мкр обнаружен в наркотическом опьянении З., 1960 г. р., который через сутки скончался.

◆ Пистолет и 27 малокалиберных патронов изъяты у гр-на Т., проживающего в Ц-Городском р-не.

◆ О погребках и гуляющей гольфьбе писал еще А. А. Блок. Но то в 1918-м году. А осенью 1991 года за кражу из погребка гр-на И. задержан Т., 1960 г. р., так же как и за кражу из погребка К. задержан гр-н С., 1968 г. р.

◆ Несовершеннолетняя П. не приняла домогательства некоего Ч., 1973 г. р. За изнасилование последний задержан.

◆ С проломом черепа обнаружен в Жовтневом р-не К., 1966 г. р.

◆ До нитки оборвали в 8 вечера на ул. Кропивицкого гр-на А.

◆ В Ингулецком р-не на дачном участке некто П., 1927 г. р., убил своего сверстника К.

◆ Разоружен и не опасен телерь Ч., 1975 г. р. Самодельный пистолет у него изъят. Как и у М., 1973 г. р.

◆ На 100 рублей украл картошки из погребка К. некто В., 1961 г. р. Но попался.

◆ Еще один пистолет изъят у несовершеннолетнего в Саксаганском р-не. К сожалению, не последний.

◆ Теперь о квартирных кражах. Их количество не уменьшилось, а стремительно растет. Поэтому предупреждаем наших читателей: будьте бдительны! А лучший способ обезопасить жилье — установить сигнализацию. Даже если у вас (по вашему мнению) ничего украсть, злощазники так «пройдутся» по квартире, что засомневаются: а может, и вправду в доме были стоящие вещи. Их, кстати, лучше всего застраховать, как и свою жизнь. И лучше всего в фирме «Крибасс-Аско».

Д. ХОМИЧ— В БАНКЕ

Несмотря на то, что бывший первый секретарь Криворожского горкома КПУ Д. Хомич проходит в качестве подозреваемого в уголовных делах, возбужденных городской и республиканской прокуратурами по фактам поддержки должностными лицами КЧП, городские власти, похоже, ни на йоту не сомневаются в его невиновности. Иначе вряд ли после упреждения КПУ Д. Хомич получил бы пост управляющего Центральнo-Городским отделением Промстройбанка.

В последнее время усилилась тенденция перемещения бывших идеологов в экономисты: Дмитрий Хомич — управляющий банком, другие компартийные руководители — в руководстве всевозможными ИП и СП. Так что, похоже, наши с вами деньги по-прежнему будут находиться в «надежных» руках. А место идеологическо-бюрократической зависимости нам грозит экономическая — от вчерашних борцов с капиталом.

С. Д.

“БРАТ”

Может быть, кому-то будет не просто в это поверить, но мое повествование основано на реальных событиях, происшедших в жизни одного из нас. Прежде чем отдать в печать этот материал, автор сам пребывал в долгом раздумии: публиковать? Нет! Противозаконность содержания, невероятность последующих событий пугали неправоподобностью.

Сегодня, когда над судьбой моего героя уже не властен людской суд, я решил вспомнить лето 1988 года...

В то лето ко мне неожиданно завалился мой давний, но редко видимый знакомый Володя Ш. Приехал он из п. Таромского, что под Днепродзержинском, не один, а в сопровождении незнакомого мне пылого мужчины с абсолютно седыми, небрежно, коротко подбранными волосами. Владимир представил мне незнакомца, назвав его «братом» Михаилом. После недолгой церемонии встречи с короткими вопросами: как? что? где? — и с такими же лаконичными ответами, Володя попросил меня выслушать Михаила: «Может быть, это тебе пригодится и кому-то тоже». Он знал, что я баловался драматургией, и считал, что история «брата» Михаила может стать основой для пьесы, в которой грешник находит утешение в Бога.

...Оксана появилась на свет через четыре года после рождения своего двоюродного брата Миши. Жили они рядом, в похожих саманных хатах, ютившихся над крутым залесенным оврагом, который служил северной границей небольшого, но оживленного приднепровского городка. В детстве между Мишей и Оксанкой не было особой приязненности. Брат, на которого после войны легла печать безотцовщины, считал себя взрослым и находил занятия поважнее, чем возиться с такой мелюзгой, как Оксана.

Весной 58-го Мишка уходил в армию. Перед самой его отправкой в военкомат произошло событие, которое стало началом в цепи последующих драматических событий. Оксана выбрала момент, когда Мишка остался один, подошла к нему, и, спрятав глаза в густых ресницах, прошептала: «Я буду ждать тебя», — неожиданно смело чмокнула в губы и убежала.

За 39 месяцев службы Мишка не баловал письмами свою двоюродницу. А ее слова и поцелуй оценивал как дерзкую выходку девочки, которая спешила стать взрослой: наверняка в тот момент за деревьями прятались ее подружки, размышляя Михаил, и наблюдали, как она, пусть и на брата, доказывает свое право на девичество.

Михаил встретил Оксану на третий день после дембеля. Увидел и... Дальнейшие события разворачивались по довольно привычному в нашей жизни сценарию: он любит, она — нет. Не было здесь третьего лица — него, и разница в летах в этом возрасте уже не замечалась, но было близкое кровное родство. Может быть, через него и не могла переступить Оксана, чтобы тот поступок трехлетней давности имел по-

гическое продолжение. А может, не судьба. Или наоборот — судьба...

Прошел почти год после возвращения Михаила. За это время он успел признаться Оксане в любви, несколько раз делал предложение, но все время наталкивался на твердый и почти насмешливый отказ: «Вestre видеть жену — грех перед Богом, и перед людьми срам. Мало-хольный ты».

Понимал, что грех и что срам, но ничего поделать с собой Михаил не мог. И когда в последний раз получил отказ, решил: «Возьму ее, а потом она сама никуда не денется».

В августовскую ночь 1961 года они долго бродили по пустынному берегу Днепра. Под утро, выпив тайком, всю сразу, из горлышка, припасенную бутылку сияухи, Михаил «отключил тормоза». Когда Оксана учуяла от него запах и, рассердившись, собралась уходить, он набросился на нее...

...Она не плакала. Только тверже, чем обычно, сказала: «Я никогда не буду твоей женой. Лучше за дурака, слепого, горбатого, чем...».

Что было дальше, он помнил смутно. Пришел в себя лишь в тот момент, когда в его руках уже не билось под водой ее тело...

По стечению обстоятельств, Михаила в убийстве Оксаны не уличили. Хотя следователь и вызывал его несколько раз для душевных бесед. Он же твердил одно: «Не знаю, не видала. Милиция и подозревавшие неадекватные родственники вскорости оставили его в покое, а он записал по-черному. В перерывах между записями он по ночам пробирался на кладбище и до рассвета молча сидел у ее могилы. Там она и пришла к нему впервые. Совершенно нагая, такая, какой он запомнил ее на берегу Днепра. Стала около своего креста и промолвила одно слово: «Уезжай». В то утро он поспел. А через несколько дней завербовался на лесозаготовку и семь лет, порвав всякое общение с родными, валил лес на томских болотах. Валил лес и пил горючку.

Как-то, больной и хмельной, он скривился ваялся в бараке, жить не хотелось, и она пришла во второй раз. Все такая же молодая и красивая. «Не пей», — потребовала жестко и решительно.

Больше к рюмке он не прикасался, но с еще большим остревением набросился на работу.

Ему 32 года. Все последующие годы после той страшной ночи он не знал женщин. А тут на него, здорового и нелюбящего мужчину, обратила внимание дочка бывших сыльных Любка, оставшаяся с ребенком на руках после первой любви с кем-то из вербованных. Мужик молодого тела были невыносимыми для Михаила. Он не думал о любви, но ему нужна была женщина, и он решил сойтись с Любкой, расписаться, усыновить пацана.

Он сидел у нее в комнате. Любка с матерью хлопотали на кухне, и тут вновь появилась она. Оксана

не сказала ничего. Но Михаил по-прежнему ее гневный взгляд.

Через три дня он получил расчет и переехал из Куржино в райцентр Каргасок. По ночам ему снились женщины, молодые и красивые, дарящие ему свою любовь. От этих снов сладострастно замирало сердце и мутился рассудок. В один из вечеров зов тела выгнал его на улицу на поиски женщины... Возле «гадюшника» он начал «клеиться» к молодым подвыпившим девицам, но оказалось, что они гуляли там с компанией разгулявшихся после вахты лесорубов...

Домой он возвратился под утро с парочкой сияюк и с выбитым зубом. Тогда же, чтобы прекратить свои мучения, он решил себя оскотить. Приобрел новоканн, шприц, мазь, бинты, отточил нож... В тот вечер он долго ждал, что появится Оксана и снимет с него заклетье. Но она не появилась...

Появилась она месяца через дватри, какая-то постаревшая и закутанная в кусок черной материи: «Езжай в Тугур», — после долгого молчания приказала Оксана.

Первым утренним рейсом Михаил без определенной цели прилетел в аэропорт Колпашево. Оттуда до Тугура рукой подать. На автобусной остановке он познакомился с «сестрой» Екатериной. Так он оказался в общине пятидесятников.

Последние 15 лет среди «сестер» и «братьев» тугурской общины пятидесятников не было никого, кто бы так ревностно исполнял заветы Христа и молил его об отпущении грехов, как это делал Михаил.

Последние 15 лет Оксана не навещала своего брата Мишу...

В конце октября с. г. мой телефон стал нетерпеливо требовать моего внимания. Вызвало Таромское. Помню всего прочего Володя Ш. поведал, что получил письмо от «сестры» из Тугура, в котором извещалось, что «брат Михаил весной этого года крепко записал, ушел из общины, а в вершок лета утонул в Катю».

«Не судите, да не судимы будете».

Пересказал Сергей ДАРАГА.

как водится, всегда толкает к новым нарушениям. Вскоре Валентина Сергеевна вскрывает вопиющий факт нарушения технологии — в сыростроительном цехе вместо селитры ($N_2H_4NO_3$), которая вносится в голландский сыр для подавления болезнетворных микробов, по халатности был внесен яд ($N_2H_4NO_2$), две банки которого по 70 кг каждая почему-то оказались в партии поставленной на завод селитры. Микробиолог бьет тревогу, звонит главному санитарному врачу Широковского района М. П. Безуглой, в областное управление молочной промышленности зав. лабораторией

Казалось, тут бы и вмешаться областной лаборатории и областному руководству молочной промышленностью. Но никаких мер и на этот раз не предпринимает. В. С. Оленник обращается в районную прокуратуру: «Возьмите под контроль деятельность сыроваров. Я не хочу садиться в тюрьму за их преступные махинации». Прокуратура бездействует. Идет на прием к тогдашнему первому секретарю райкома КПСС В. С. Охрименко: «Прошу пресечь преступную деятельность руководства сыроваров». В ответ — раздражение и недоумение. Лишь

и с ее детьми всякий раз повторяются, как только она, видя, что следствия идет «не туда», обращается с жалобой в очередную инстанцию.

В октябре 1981 года ей, наконец, приходит долгожданный ответ: «На ваше письмо, поступившее из редакции газеты «Труд», обком профсоюза сообщает: указанные факты имели место. За ослабление контроля за соблюдением производственной технологической дисциплины, состоянием учета и отчетности, отсутствие

были: крайне низкий уровень, технического оснащения завода, несоблюдение, в отдельных случаях, работниками завода технологичности выработки продукции...»

О намеренной фальсификации продуктов костным жиром и другими добавками немолодого происхождения в обвинительном заключении ни единого слова. Так что заводское начальство, отделавшись легким испугом, облегченно вздохнуло.

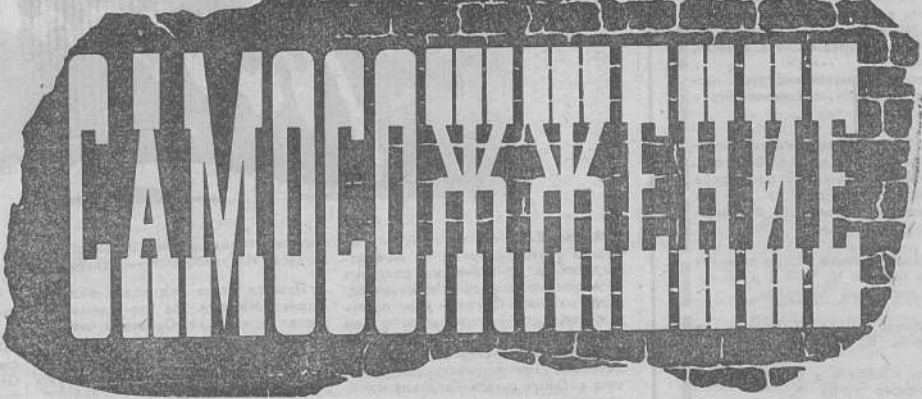
А в это время уволнения с работы Оленник продолжал обивать пороги в судах и прокуратурах. Через два года, после долгих мятельств по разным инстанциям, ее все-таки восстанавливают в должности микробиолога, но когда рассматривалось в суде ее дело о восстановлении на работе (дело, кстати, рассматривалось как ускоренное за разоблачение злоупотреблений), на судебное заседание были приглашены врач-психиатры. К какому заключению пришли услужливые психиатры, догадаться не трудно, ведь то, о чем рассказывала Оленник в суде, не будучи у нее на руках подтверждающих документов, действительно скорее могло походить на бред, чем на достоверную информацию. Но представленные документы суд не принимает во внимание, а врачи признают у Оленник нарушение психики. С этим клеймом Оленник возвращается в коллектив, перед которым она оказывается совершенно беззащитной, так как серьезно ее никто уже не воспринимает. Вряд ли стоит описывать, с какой жестокостью и цинизмом снова принялись выживать ее с завода. Тем не менее, видя, что на заводе творятся прежние «дела», несмотря на «науку», которую ей преподали власть имущие, Валентина Сергеевна молчать не собирается. Она по-прежнему пишет докладные о санитарно-технологических нарушениях, которые приводят к выпуску недоброкачественной продукции. Копии докладных она исправно носит в райком, исполком, прокуратуру, санэпидемстанцию. Через четыре месяца ее снова увольняют, все так же незаконно, но на этот раз надолго.

Она снова обращается к правосудию, но ее дело перебрасывают из одного суда в другой, третий... В четвертом — Дзержинском суде Кривого Рога — ее лишают процессуальных прав, не оглашают в полном объеме ее искового заявления, особ, которых она, согласно иску, требует привлечь к уголовной ответственности, суд почему-то выставляет не как ответчиков, а всего лишь как свидетелей. Ее документы к делу не приобщаются, никакая юридическая оценка им не дается.

В. С. Оленник: «Когда в суд увидели, что всех, кто принимал участие в первом и втором моих увольнениях с работы, нужно самих увольнять и судить, и за их счет возмещать мне в полном объеме материальный ущерб, который мне был нанесен в связи с организованной мне безработицей, что нужно расследовать преступления по заводу, о которых я писала во все инстанции и прилепять к уголовной ответственности уже тех, кто прикрывал эти преступления (разве за «спасибо!»), а это фактически второе кубовское дело, меня стали делать сумасшедшей. В суд снова пригласили психиатров».

Из акта амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, проведенной врачами-психиатрами Криворожского ПНД Дыновским Г. Д. и Мартыновой А. А. в зале судебного заседания 29.01.86 г.: «...Считает себя борцом за справедливость, что она хочет избавить людей от массовых отравлений и заболеваний туберкулезом, что все вокруг — преступники, что с ней за борьбу со злоупотреблениями хотят расправиться... Заключение: на основании вышесказанного комиссия экспертов приходит к выводу, что Оленник Валентина Сергеевна, 1945 года рождения, страдает вялотекущей шизофренией, паранойдальный синдром».

Вывод наших «туманных» психиатров (кстати, это уже не первый случай участия работников Криворожского ПНД в расправе над негодными людьми) окончательно предпринимает ход рассматриваемого дела и всех дальнейших попыток Оленник добиться через суд восстановления на работе. Куда она только не обращается и не пишет, вплоть до

Н. С. Луценко. На следующий же день на завод прибывает инженер-химик из областной лаборатории Л. М. Богатырева и врач районной СЭС А. Ф. Доценко. Пробы для анализа зрелого сыра, отобранные 3 ноября 1980 г., отправляются в областную СЭС, откуда вскоре приходит ответ, в котором в несколько сглаженной форме сообщается, что в сыре обнаружена повышенная доза нитратов. Отравленный сыр по распоряжению санитарного врача А. Ф. Доценко и заведующей заводской лабораторией Н. И. Рожковской отправляют на Днепродзержинский гормолкозавод в цех плавильных сыров на переработку. На этом, как говорится, инцидент был исчерпан.

А махинации с маслом и сливками продолжают, и работники заводской лаборатории один за другим составляют акты о грубейшем нарушении технологии.

Из акта проверки продуктов от 9 декабря 1980 г.

Мной, лаборантом Остапенко А. Д. в присутствии лаборанта Гадай Л. Т. и зав. лабораторией Рожковской Н. И. составлен в том, что сого числа забраковано 2 тысячи килограммов сливок, в которых обнаружены добавки костного жира. Отгружено не подлежат. Лаборант Остапенко А. Д., зав. лаб. Рожковская Н. И., лаборант Гадай Л. Т.

Из акта проверки продуктов от 18 декабря 1980 г.

... В масле обнаружены сливки, фальсифицированные костным жиром. Забраковано к отгрузке ГМЗ в количестве 2 тонны. Зав. лаб. Рожковская, лаборанты Остапенко, Гадай, Баркина, Кулибаба.

Из докладной записки инженера-технолога Белан В. Н. начальнику лаборатории областного управления молочной промышленности Луценко Н. С. [копия директору завода Красуле Г. Г.] от 15 февраля 1980 г.

Довожу до вашего сведения, что в масломолочном цехе имеет место ряд нарушений технологии выработки любительского масла, а именно: в пастеризованные сливки вносится гомогенизированный костный свиной жир, затем из этого количества сливок выработывается масло методом взбивания.

Грубое нарушение технологии влияет на качество, консистенцию масла, нарушается вкус, запах, трудно получить нормальную влагу в масле.

Мои требования о соблюдении технологии приготовления любительского масла в масломолочном цехе мастеров цеха не принимаются во внимание.

через неделю после этого визита ей устранивают очную ставку в райкоме с директором завода Г. Г. Красулей и главным инженером Н. Е. Коссе, после чего микробиолога обвиняют в клевете и грозят судом. Она же предлагает отпечатать завод, перехватить машины, грузовые фальшивками сливками, маслом и заместителем целного молока, требует вмешательства ОБХСС и прокуратуры, наивно полагая на непреодолимую силу советских законов и безусловную принципиальность и честность тех, кто призван стоять на страже этих самых законов. Но все ее требования оказываются гласом вопиющего в пустыне.

В ее адрес сыплются оскорбления и угрозы, но она продолжает стучать во все двери. Пишет письма в обком КПСС, ЦК КПУ, в газету «Труд», но все ее письма возвращаются в местные инстанции. Лишь только после ее второго письма в газету «Труд», кстати, отправленного через родственников, проживающих в другой области (зарегистрировано 4 августа 1981 г.) после того, как в районную прокуратуру обратился торгинспектор области Н. И. Калашник с требованием установить причины поступления с завода на холодильники непригодного к употреблению масла, по этому факту было возбуждено уголовное дело и на завод прибыл следователь.

Но к этому времени на заводе уже успели спрятать, как говорится, концы в воду: переписали всю технологическую документацию, рабочие журналы и отчеты. Следствие ведется крайне медленно и направлено скорее всего не на то, чтобы вскрывать, а чтобы скрыть истинные масштабы махинаций и злоупотреблений на сыроваров. Все, кто должен был давать свидетельские показания, предварительно инструктируют, какие вопросы им будет задавать следователь и как на них следует отвечать. А так как желания сорисориться со всемогущим начальством почти ни у кого не возникло (как-никак пищаевое предприятие: зарплата с работы — и прощай каждыйдневный доплат), события развивались по заданному сценарию. Ну, а с теми, кто не принимал правила игры, разговор был особый...

Во время следствия при загадочных обстоятельствах погибает торгинспектор области Н. И. Калашник и водитель заводской машины И. Я. Донец. Дважды покушаются на жизнь и В. С. Оленник — помощник следователя. Незадолго до смерти водитель Донец предупреждает Валентину Сергеевну: «Отступись, не поздно, ты даже представляешь не имеешь, какое начальство мы подкупили. Ты нигде ничего не докажешь, они что угодно с тобой сделают». Это были не пустые слова. Угрозы расправиться с ней

требовательности к специалистам и мастерам и надлежащей воспитательной работы в коллективе директор завода и главный инженер освобождены от занимаемых должностей.

Председатель обкома профсоюза работников пищевой промышленности И. Е. Шаталова.

В апреле 1982 года на ее жалобу в ЦК КПУ ответил прокурор области, Государственный советник юстиции М. С. Обермои: «Сообщаю, что ваша жалоба, поступившая из Центрального Комитета Компартии Украины, рассмотрена прокуратурой области.

Изложенные в вашей жалобе факты имели место. По факту выпуска недоброкачественной продукции Широковским сыроваровым 31 августа 1981 года прокуратурой Широковского района возбуждено уголовное дело и проводится расследование. Расследование по уголовному делу задерживается из-за производственной технологической экспертизы».

Производится также расследование и по уголовному делу о падеже молодежи крупного рогатого скота в колхозе «Заповіт Ілліча» Широковского района. В настоящее время по уголовному делу проводится зооветеринарная экспертиза, в зависимости от результатов которой будет решен вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности.

По факту смерти Гр. Калашник Н. И. и гр. Донца И. Я. произведена проверка, виновных лиц в их смерти не имеется, поэтому органами прокуратуры в возбуждении уголовного дела отказано за отсутствием состава преступления...»

Но несмотря на имеющиеся неопровержимые факты, подкрепленные многочисленными документами, дело будет спущено на тормоза и начнется расправа над Оленник. На заводе ей фактически объявляют бойкот: «Подняла на весь Союз войну с заводом — зачем нам нужен такой человек в коллективе». Попытались фиктивные выговоры. Последний выговор — «за слабый контроль производства» (как еще лучше можно было контролировать производство) оказался решающим — 3.01.83 года ее увольняют с завода по ст. 40 п. 3.

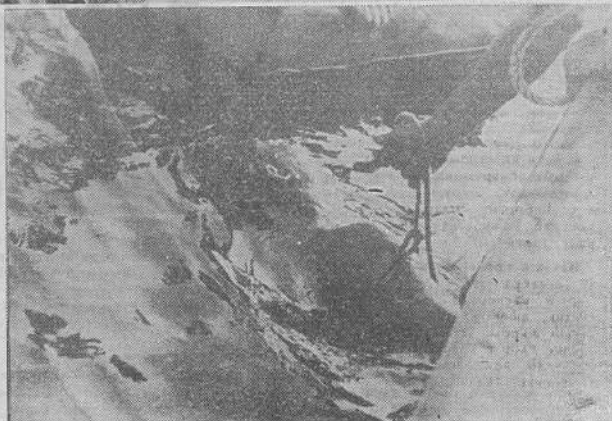
А в сентябре 1983 г. (на восьмом месяце вынужденной безработицы опального микробиолога) в областном суде будет рассмотрено уголовное дело о выпуске недоброкачественной продукции на Широковском сыроваров. После судебного разбирательства коллегия по уголовным делам придет к следующему выводу:

«Главными причинами выпуска недоброкачественной продукции

НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Этот заголовок мог бы послужить началом подписи под любым из представленных четырех снимков. Продолжить его можно по-разному: «...с огнем, алкоголем, наркотиками и, наконец, с самой человеческой жизнью. Но не только тра-

гически обрванная чья-то жизнь — объединяет их в страшную картину, объединяет их еще и пагубная страсть тех, кому она при жизни могла быть и безобидным развлечением.

Причина гибели этой молодой женщины не установлена. Ее труп был обнаружен в отстойнике с. Красно. Личность ее установлена, установлена также и ее болезнь при жизни: хроническая наркомания.

Разумеется, каждый человек проживает ровно столько, сколько ему отпущено. Но стоит ли самому укорачивать то, чего и так немного?

Ежедневные пьяные оргии отца, издевательства над матерью толкнули несовершеннолетнего Б. на тяжкое преступление. Своего хмельного родителя, лежащего в постели, он убил ударом топора. Так что речь в данном случае уместнее вести о трагедии нескольких человеческих жизней.

Народный суд признал виновным сына и приговорил к лишению свободы сроком на 5 лет с отсрочкой исполнения приговора на три года. Но кто же все-таки виноват?

Гибель человека в месте, предназначенном для развлечения и отдыха, иначе, как превратностью судьбы, не назовешь. Но только ли превратность судьбы?

Изявно подвыпивший мужчина из такой же компании решил переплыть водохранилище на турбазе в селе Кудашево. Поплывшие вслед за ним собутыльники вернулись назад, а на его исчезновение внимания просто не обратили. Спасателям сообщили только через сутки. Еще через двое суток труп был обнаружен и извлечен из воды.

Обгоревший труп женщины был обнаружен в собственной квартире. По одной из версий несчастие случилось при изготовлении самогона.

Геннадий ОМЕЛЬНИЦКИЙ.

№ 15-91
ВЕС К

самых высоких республиканских и союзных инстанций, ничего добиться уже не может — на месте ее всякий раз предупреждают: будешь писать — отправим на принудительное лечение. Единственным учреждением, где ее ждали и были готовы «выслушать», оказалась психушка. Оставшись без средств к существованию, она в конце концов решает на последний отчаянный шаг. Подготовив плакаты, захватив бензин и зажигалку, она отправляется в далекую столицу, туда, откуда столько лет ждала да так и не дождалась помощи.

Дважды она покушалась на самоубийство на Красной площади, и дважды ее останавливали у этой роковой черты бдительные работники «компетентных органов». После первого неудачного покушения ее отправили в милицию, после второго — в психушку. И все-таки самоубийство состоялось — считает микробиолог Широковского сырзавода Валентина Сергеевна Оленик. Лишенная работы и средств к существованию, оклеветанная и униженная, с диагнозом шизофреника почти десять лет она безуспешно борется за восстановление справедливости, ища защиты своих прав в судах и прокуратурах. Но государство, которое все собирается, но никак не может стать правосым, так и не смогло защитить ее права.

Нередко сквозь контуры судьбы отдельного человека проглядывает трагедия всего общества. Все, что произошло с бывшим микробиологом Широковского сырзавода В. С. Оленик, именно из разряда таких судеб. Ведь то, с чем пришлось ей столкнуться в нашей нелепой действительности, мы, к сожалению, встречаем буквально на каждом шагу. Приписки, хищения, разного рода механизации дефицитными товарами, материалами и даже продуктами.

То, что в цивилизованных странах выглядело бы как абсурд или как какое-то нелепое исключение, в условиях нашей монополярной экономики, к сожалению, является закономерностью. Ведь в какой еще стране можно увидеть то, как производитель (сам! сознательный) подвергает порче свою продукцию, да еще и зарабатывает на этом немалые бабыши.

Кто, к примеру, не знает, что почти в каждой столовой недокладывают мясо в котлеты, что в магазинах разбавляют сок, молоко и сметану, а в пивбарах и ресторанах — пиво и водку. Как это сказывается на нашем с вами здоровье — вопрос скорее всего риторический, потому что надлежащего контроля за качеством продуктов со стороны санитарных, ветеринарных и экологических служб, смею утверждать, у нас практически нет. Как впрочем и медицинского контроля за состоянием нашего здоровья. Обо всем этом можно только догадываться, глядя на с каждым годом увеличивающуюся чуть ли не в арифметической прогрессии площадь центрального городского кладбища.

Мы упорно продолжаем заниматься саморазрушением и самоуничтожением, и нет пока той силы, которая могла бы остановить это безумие. Отчаянные же попытки одиночек вроде Оленик как-то противостоять этому всегда будут обречены на провал, потому что, когда в молчаливом обществе честные и принципиальные люди начинают говорить, они становятся изгоями. Такова сущность ее монополярного величия тоталитарной системы, в которой никто ни за что не отвечает, и никто ни с кого не спрашивает, и никто ничего не замечает.

За последние 70 лет мы просто все к этому привыкли и притерпелись. В свое время мы не заметили массовых репрессий, варварского истребления крестьянства, интеллигенции и духовенства, разрушения сложившегося хозяйственно-экономического уклада, многовековых моральных и культурных ценностей. Мы и сейчас продолжаем не замечать того, как рушится хозяйство и экономика, а разрушители успешно наживают на этом капитал. Во что нам обходится наша слепота, мы сегодня можем «не увидеть» на пустых прилавках магазинов и в наших тощих кошельках.

До какой еще степени нищеты, отчаяния мы должны опуститься, чтобы, наконец, научиться замечать и говорить о том, что происходит вокруг!

Владимир СТЕЦЮК.

[Продолжение. Начало в №№ 13-14].

— О чем ты думаешь? — спросил я ее.

— О выпивке! — она улыбнулась. Улыбка ее тоже была мальчишеской, как и прямой взгляд карих глаз. — О целой бочке выпивки.

— А еще о чем?

— Я догадывался, что смена девушек за моим столом не была случайной.

— Похоже, ты считаешь моего приятеля, — сказала Лала.

— Может быть. И кто же они, эти твои приятели?

— Ну, например, Эд Бохенон. Ты знаешь Эда?

— Нет... пока нет.

— Но ты ведь его ищешь?

— Ага.

— А в чем дело? Я могла бы дать ему знать.

— Обойдемся, — сказал я. — Этот Эд тебе не кажется слишком недоступным. Речь идет о его шуре, а не о моей. Поставлю тебе еще стаканчик и слиндо.

Она вскинула с места.

— Подожди. Может, я его поймаю. Как тебя зовут?

— Можешь звать меня Паркер, — сказал я, потому что это была первая пришедшая в голову фамилия; ею я пользовался, когда обрабатывал Райана.

— Подожди, — повторила она, направляясь к двери в глубине комнаты.

— Пожалуй, я его найду.

— Я тоже так думаю, — согласился я. Спустя минут десять через входную дверь вошел мужчина и направился прямо к моему столику. Это был светловолосый выгидный, по возрасту приближающийся к сто му сорокалетию, с лаными глазами джентльмен, опустившийся на дно; но есть, он еще не окончательно опустился, но по замутненной голубизне глаз, по мешкам под глазами, сероватому оттенку кожи было заметно, что он изрядно продвинулся по этому пути. Он еще вполне мог сойти за приличного человека, а нем еще сохранились кое-какие запахи прежней жизненной силы.

Он сел на противоположную скамью.

— Вы меня искали?

— Вы Эд Бохенон?

Он кивнул.

— Торопгупу взяли два дня назад, — сказал я, — и теперь наверняка отправят обратно в Канзас, туда, откуда он смылся. Он просил, чтобы я предупредил вас. Он знал, что я намерен податься в эти края.

— Эд торопгупился, снова бросил на меня быстрый взгляд.

— Это все, что он хотел сообщить?

— Сам он ничего мне не говорил. Мне передал эти слова его человек. Торопгупу я не видел.

— Вы здесь еще побудете?

— Да. Два-три, — ответил я. — Надо еще уладить кое-какие делишки.

Он улыбнулся и протянул мне руку.

— Благодарю за доставленные сведения, Паркер. Если захотите прогуляться со мной, я могу вам предложить кое-что более достойное, чем это, по части выпивки.

Я не имел ничего против. Мы вышли из «Золотой подковы», и он провел меня по переулку к дому из кирпича-сырца, что стоял на краю пустыря. В первой комнате Эд держал знак, чтобы я сел, а сам пошел в соседнюю.

— Что будете пить? — спросил он, стоя в дверях. — Ржаное виски, джин, шотландское...

— Последнее выигрывает, — прервал я чтение этого каталога.

Он принес бутылку «Блэк энд Уайт», сифон с содовой и стаканы, после чего мы принялись за дело. Мы пили и разговаривали, пили и разговаривали, и каждый старался показать, что более пьян, чем есть на самом деле, хотя вскоре действительно недрались до чертиков.

Внешне это очень напоминало обычную пьянку. Он пытался начать меня под завязку, чтобы затем выудить все мои секреты, а я старался проделывать то же самое с ним. И ни один не мог похвастаться большим успехом.

— Знаешь, — сказал он, когда уже начало смеркаться. — Я осел. Я жуткий осел. У меня есть жена... милейшая в мире женщина. Хочет, чтобы я вернулся к ней... и вообще. А я сижу здесь в дерьме, лакаю... а мог бы быть человеком. Архитектором мог бы быть, понимаешь? Еще каким архитектором... А так... Привык к этому походу... Связался с подонками. Не могу вырваться. Но я вернусь к ней... без трепя. Вернусь к моей женишке, самой милой на свете женщине... Взгляни на меня. — Мы уже были на ты, — Разве я похож на наркомана? Нисколько! И ты думаешь, почему? Потому, что я лечусь. Сейчас я тебя покажу... Увидишь, я могу закурить, а могу и не закурить.

ДЭШЛ ХЭММЕТ

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА

Он неловко сорвался с кресла, прошел, пошатываясь, в соседнюю комнату и вернулся, неся очень красивый прибор для курения опиума, прибор из серебра и слоновой кости на серебряном подносе. Поставил поднос на стол и пододвинул трубку ко мне.

— Куря, Паркер, я угощаю.

Я сказал, что останусь верен виски.

— Может, хочешь «снежка»? — спросил он.

Когда я отказался и от кокаина, он удобно развалился на полу возле столика, зарядил свою трубку, и забавы продолжались — он курил, а я трудился над бутылкой, и оба мы старательно взвешивали слова, чтобы не выболтать лишнее.

К полуночи, когда я уже изрядно нагрузился виски, появилась Лала.

— Вижу, вы славно развлекаетесь, парни, — сказала она весело, наклоняясь и целуя англичанина в растрепанные волосы.

Потом села к столу и потянулась за рюмкой.

— Вал-ликолетно! — похвалил я Лалу сильно заплетаящимся языком.

— Ты должен всегда быть под мухой, малыш, — посоветовала мне она.

— Смазав, ты выглядишь интереснее.

Не знаю, что я ответил. Помню только, что сразу после этого улегся рядом с англичанином на полу и заснул.

Следующие два дня протекали так же, как первый. Эшкрафт и я не разлучались двадцать четыре часа в сутки, и девушка почти не покидала нас. Не пили только тогда, когда отсыпались, сраженные алкоголем. Большую часть времени мы провели в доме из необожженного кирпича и в «Золотой подкове», о других кабаках не забывали тоже. Остались весьма туманные воспоминания о том, что происходило вокруг, хотя я, вроде бы, ничего существенного не упустил из виду.

Внешне мы держались с Эшкрафтом, как два корейца из одной мялки, но ни один из нас не избавился от недоверия в отношении другого. И это несмотря на то, что оба были пьяны, и напивались очень крепко. Он успешно боролся с желанием приложиться к трубке с опиумом, а девушка, хотя и не курила, но выпить была не дура.

После трех дней, проведенных таким вот образом, я тронулся обратно в Сан-Франциско, трезвея по мере удаления от Тихуаны. По дороге привел в порядок свои впечатления, которые сложились в отношении Нормана Эшкрафта, иначе Эда Бохенона.

В результате я пришел к следующим выводам:

1. Он подозревал (или даже был уверен), что я приехал по поручению его жены: слишком ровно он держался и слишком хорошо принимал меня, чтобы я мог в этом усомниться.

2. Скорее всего, он решил вернуться к жене, хотя полной гарантии на этот счет никто бы не дал.

3. Он не имел неизлечимого пристрастия к наркотикам.

4. Он мог бы взять себя в руки под влиянием жены, хотя и это вызвало большие сомнения; он узнал, что такое дно общества, и, похоже, ему там нравилось.

5. Эта девушка, Лала, была влюблена в него до безумия; он также в какой-то мере любил ее, но сходить с ума от любви не собирался.

Я отлично выспался за ночь, проведенную в поезде между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, вышел на Углу Таусенд-авеню и Третью улицы, чувствуя себя почти нормально. За завтраком съел больше, чем за три дня в Тихуане, после чего отправился к Венсу Ричмонду в его контору.

— Мистер Ричмонд уехал в Эрику, — сказала мне его стенографистка.

— Не могли бы вы связать меня с ним по телефону?

Она могла и связала.

Не называя никаких фамилий, я рассказал адвокату, что видел и до чего додумался.

— Понимаю, — сказал он. — Позвоните к миссис Эшкрафт и скажите, что я сегодня отправлю ей записку, а в город вернусь через два дня. Думаю, до этого времени нет нужды что-либо предпринимать.

Я доехал на трамвае до Ван-Несс-авеню, а потом прошел пешком к дому миссис Эшкрафт. Позвонил в

Свет из кухни освещал его слишком слабо. Я поискал ошупью на стене выключатель, который должен был там находиться. И наступил на что-то мягкое.

Отдернув ногу, я сделал шаг назад, нашарил в кармане спички и зажег одну. Педра мной — голова и плечи на полу, бедра и ноги на нижних ступенях лестницы — лежал бой-филлиппинец. В одном нижнем белье.

Он был мертв. Правый глаз выбит, горло распаянано от уха до уха. Не требовало особого воображения, чтобы представить, как произошло убийство. Стоя наверху лестницы, убийца левой рукой схватил филиппинца за лицо, выдав ему ладонем глаз, запрокинул его голову назад, положил ножом по шмоглуму напряженному горлу и спихнул мальчишку вниз.

Я чиркнул второй спичкой и нашел выключатель. Включил свет, застегнул плащ и поднялся по лестнице. Пятна высохшей крови виднелись тут и там, а на лестничной площадке второго этажа кровью были забрызганы даже обои.

Я щелкнул другим выключателем, из коридора попал в прихожую, взглянул в следующие две комнаты, казавшиеся нетронутыми, потом свернул за угол... и резко остановился, едва не упав на человека, который там лежал. Женщина лежала, скорчившись на полу, лицом вниз, подтянув под себя колени и прижав руки к животу. Была она в халате, а волосы были заплетены в жосу.

Я коснулся пальцем ее шеи. Холодная, как лед.

Опустившись на колени — чтобы не пересорачивать труп, — взглянул ей в лицо. Это была служанка, которая четыре дня назад убила меня и Ричмонда в дом.

Я встал и огляделся. Затем обошел убитую и открыл дверь. Спальня, но не служанки богато и изысканно убранная, — выдержанная в кремово-серых тонах опочивальня с репродукциями французских картин на стенах. Только постель была разбросана. Смятое, сбросанное в кучу белье лежало посреди кровати и выглядело как-то неестественно.

Наклонившись, я начал исследовать постель. Простыни были в кровавых пятнах. Я отбросил в сторону одеяло.

Под ними лежала мертвая миссис Эшкрафт.

Ее тело было скрючено, а голова криво висела, едва держась на шее, расщепленной до самой кости. На лице от виска до подбородка — четыре глубокие царапины. Один рукав голубой шелковой пижамы оторван. Матрас и постель пропитаны кровью, которая не успела засохнуть под кучей белья.

Прикрыв труп одеялом, я протиснулся через узкий проход между порогом и телом служанки и пошел по парадной лестнице, включая по пути свет. Нашел телефон. Сперва позвонил в полицию, потом в контору Венса Ричмонда.

— Прошу срочно уведомить мистера Ричмонда, что миссис Эшкрафт убита, — сказал я стенографистке. — Я в доме погибшей, и он сможет меня там найти.

Потом я вышел через парадный ход, сел на верхнюю ступеньку и закурил, ожидая полицию.

Чувствовал я себя мерзко. В жизни мне приходилось видеть и больше, чем трех убитых сразу, но то, что случилось здесь, очень уж тяжело обрушилось на меня. Видимо, и трагическая пьянка сказались на состоянии нервов.

Прежде, чем я успел выкурить сигарету, из-за угла вылетел полицейский автомобиль, из которого поспешно вышли люди. О'Гар, сержант-детектив из отдела расследования убийств, первым поднялся по лестнице.

— Привет! — обратился он ко мне. — Что попало в твои руки, старина, на этот раз?

— Нашел три трупа, — ответил я, открывая дверь. Мы вошли в дом. — Может, ты, как профессиональный сыщик, найдешь больше.

— Хм... Для молодого паренька ты считаешь совсем неплохо...

Слабость прошла, я снова был готов работать.

Сперва показал О'Гару филиппинца, потом двух женщин. Больше трупов мы не нашли. Детальное изучение места происшествия заняло несколько часов. Нужно было осмотреть весь дом от подвала до крыши, взять показания у соседней, потянуть кое-кого за язык в посредничестве бюра, через которое нанимали прислугу. Нужно было также отыскать и допросить родных и знакомых филиппинца и служанки, найти и расспросить почтальона.

[Продолжение следует]

СПЕЦПРОВЕРКА

СНОВА В ТЮРЬМЕ

Итак, я снова в Кировоградской тюрьме. Сажу в полуподвальной камере-одиночке. Даа с половиной шага вперед, полтора в сторону. Трехлудовая «параша», цементный пол, тяжелый потолок, толстые стены, неподвижные, вечные. Лишь вверх светится маленькое круглое окошечко. Настоящий каменный мешок, который, кажется, вот-вот тебя раздавит неотвратимым прессом безысходности и непомерным грузом всего того, что удалось пережить за все эти годы и в камере смертников, и в тюрьме СД, и в четырех лагерях смерти. Круг, кажется, замкнулся — я снова в родной советской тюрьме. Один на один со всем своим прошлым и настоящим.

Вспоминаешь все эти кошмары прожитой жизни и думаешь: зачем я все это знаю, как можно спокойно жить с этим? И все это называется жизнью, нет жизни — есть одна борьба за существование. Нет веры, с которой люди жили в веках. Загнана, осквернена, осталась одна злоба и невежество.

Как ночь прошла, что было со мной — не знаю, но утром я просыпаюсь совсем раздетым. Был ли это шок или галлюцинации удущая? Люди — люди! Вы этого не знаете, что такое один, а что такое двое, каково психологическое состояние обитателя одиночки. Когда же придет конец моим страданиям?

ДОПРОС

Вызвали на допрос. Захожу в кабинет, руки за спину. Следователь в поношенных кирзовых сапогах и выцветшей френтовой одежде записывает мои биографические данные, но в чем меня обвинять, видно, он и сам не знает. Не знаю и я своей вины. На этом первый допрос заканчивается.

Сажу по-прежнему в одиночке. К следователю долго не вызывают, должно быть, собирают какие-то сведения обо мне. Наконец ведут снова на допрос. Некоторое время сидим молча — я в углу на скамеечке, следователь — за письменным столом. В коридоре раздаются чьи-то шаги, и тут он, как бы спохватившись, начинает орать на меня и требовать признания вины. Но как только в коридоре воцаряется тишина, мы снова сидим молча. И так несколько раз в продолжение этого странного допроса. И тут я начинаю понимать, что следователи, которые работают со мной, ни в чем обвинять меня и не собираются, наоборот, даже пытаются

ся оградить от дальнейших неприятностей. Но по своему служебному положению они вынуждены исполнять указания своего вышестоящего начальства — сталинской клики берий и вышинских, которые даже специальные премии следователям выплачивают — по 200 рублей за каждого «окрученного» подсудимого. «Лишь бы человек был, а дело будет», — такая вот поговорка бытует в следственном мире.

Узнаю от следователя, что вечером у него была моя жена, передача пирога и еще какую-то еду. Бедная Галя, опять осталась одна с детьми да еще на сносях.

На следующем допросе устроили мне очную ставку с бывшим секретарем городской управы Ференцем, которого я видел до этого несколько раз во время оккупации. Ференц сказал, что знает меня как работника Гессертфонда, но что я за человек, ничего определенного ответить не смог. После его слов комиссия поднимается и уходит на совещание.

Сажу один в кабинете следователя. Окно открыто, на столе раскрытые папки с делами подсудимых. Сажу минут сорок. Ужасно хочется спать, ведь допросы проводят в основном по ночам. Сажу и думаю: если через пять минут не появится следователь, устроюсь спать прямо на полу в кабинете. Наконец, приходит следователь и отправляет меня в камеру. Но в чем меня обвиняют — мне ничего так и не сказали. Никаких материалов, порочащих мою репутацию, у следствия, естественно, не было, и быть не могло, были только подозрительность и недоверие. Моя подпольная партизанская деятельность, пребывание в тюрьме СД и в четырех фашистских концлагерях никем, похоже, не учитывались. Для человека, который переступил порог КГБ, возврата назад уже не было. Даже если совсем не виноват, получишь десять лет советских лагерей. Таково сталинское правосудие. А само следствие никакой роли не играет, это всего лишь формальное соблюдение дешевой и никогда не осуществляемого советского правосудия.

ТРИБУНАЛ

Ведут меня в трибунал. Сидит «дядька» в нетопленной комнате, в большой не по размеру шинели. Спрашивает: «Виноват?» — «Да в чем я виноват? Чего хотят от меня, не знаю». Рассказал ему кратко судьбу свою трагическую. Выслушал он меня без всякого впечатления и говорит: «Ну вы же там договорились со следователем, так что десять лет, я думаю, вас устроят».

ОДИНОЧНАЯ КАМЕРА № 70

Сажу уже около года в одиночке, в тюрьме родины моей. Сычи да совы кричат по ночам на моем незастекленном окне с двойными решетками, а днем воробьи посещают мою темницу. Все клюют и клюют зерно кулеши, мною для них положенного. А я хожу и хожу по камере, как медведь в клетке: раз-два, раз-два, раз-два-три... Испоптал уже сапоги свои, подобранные на лагерном складе в Освенциме. А дни за днями идут, отсчитывают мою жизнь в этом грешном мире.

Каждое утро жду с нетерпением появления солнца — без света я задыхаюсь, кажется, что темнота меня задушит. Вот оно всходит, родимое. Солнечный свет появляется сначала на козырьке, затем переползает на решетку, потом на стены... С каждым днем солнечный зайчик взбирается все выше и выше. Потом все идет на убыль, короче становятся дни — и еще короче путь солнца по стене моей камеры. Настанет день, и его свет уже не пробьется в мою обитель. Солнышко, мое солнышко, вот и ты меня покидаешь. Где-то там, за мостом через Ингул, за валами турецкой крепости, за крестом греческого собора отозвался журавлиный клин, прокричав свое «курлык» на прощанье. Через Терновую Балку, Разделье летит он на юг, к Черному морю. Тут и солнце мое закатилось.

Через два окна от моей камеры сидит Муса за решеткой — сестра моей лаборантки. Совсем еще девочка. Когда-то до войны молоко к нам в дом носила. В годы оккупации она пела в хоре украинские песни. «Ой, мамо, мамо, я ж тебе присила: видай мене за хлопця, та й за моллодо, а ти мене видала та й за старого. Боже, Боже, візьми його душу, та повісь на грушу, щоб старій знали, як молодих брали...» — этой песней она до слез растрогала жену одного немецкого офицера и та подарила ей свое платье. Наши органы КГБ сочли Мусю политической преступницей, опасной для государства. Сидит теперь она в одиночке, и песен ее не слышно. От сырости и холода грудь у нее гноится, кашляет беспрестанно да махорку курит. (Даже мне щепотку махорки передать умудрилась). «Ох доля-доля, загинеш в неволі».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Снится мне сон, будто я уже не в камере, а стою на каком-то балконе, перешагиваю через перила и бегу куда-то в день по бесконечному полю. «Повод, с вещами на выход!» — прокричал надзиратель мне в камеру, и повели меня за тюремные ворота. Мне даже страшно стало — таким огромным и непонятным мне этот мир вдруг представился. Видя мое замешательство, надзиратель говорит с усмешкой: «Чего замаялся, не знаешь куда идти? Вой туда иди, пока не передумали, — он слегка подталкивает меня в спину и закрывает за мной тяжелые тюремные ворота.

Позже я узнаю, что этим освобождением я прежде всего обязан жене своей Галине. В каких только кабинетах не обивала она пороги, чтобы добиться справедливого решения по моему делу. Собрала необходимые документы, ходатайства товарищей по работе, справки, заверенные исполкомом. Когда все это легло на прокурорский стол, мой арест, в конце-концов, признали ошибкой.

И вот я снова на свободе. Все прошло, будто лента кошмарного кинофильма прокрутилась. Я свобо-

ден! О, как бы я теперь хорошо свою жизнь прожил, если бы она ко мне вернулась.

В областной лаборатории управления Заготзерно, куда я заглянул по пути домой, меня радушно встречают мои товарищи. Оказывается, они ждут меня уже второй день. Много теплых слов сочувствия и поддержки в тот день я от них услышал. Лаборантка Валя села напротив, ладошкой щеку подперла, смотрит на меня, а глаза такие жалостливые, грустные, и говорит: «Вы ничего мне не рассказывайте, я знаю, вам это тяжело и неприятно вспоминать, скажите только одно: что вы такое знаете, что вас сохраняют в этой жизни? Научите меня!» — «Вера и только вера меня спасает, и больше ничего», — отвечаю, — без веры я бы давно пропал или сошел бы с ума».

С этой верой живу и поныне. Авитаминоз, невроз, большие легкие, желудок, сердце, масса других недугов — с таким тюремно-лагерным наследством я возвращаюсь в прежнюю жизнь после всего пережитого. Я снова возвращаюсь в родную степь, и она меня на ноги поставит. Как она благотворна и небжна своей тишиной, простором и благоуханием, вечным движением всего живого и неживого. Выйдешь на древний курган — и конца и края его не видно, только ветер гонит куда-то в даль бесконечные волны хлеба.

Работую агрономом в приднепровском колхозе имени Кагановича. Здесь на легендарных землях бывшей Чертомлыцкой сечи труды и дни мои проходят. Питуюсь и ною в степном вагончике тракторной бригады. Душу и не могу задышать пьянящим воздухом свободы.

Голодный послевоенный 47-й год. Меня переводят в семеноводческий совхоз. Выращиваем семенишки бахчевых культур. Знаменитые мелитопольские арбузы. Пудовые, сочные, зрелые, внутри как сахаром посыпанные. Дыня «колонзница». Бесподобный аромат и вкус, так и тает во рту. Вот эти дынями да арбузами, в еще чесноком и луком, за сезон я так промил свой измученный организм (куда тем названам да нефтясьям), что все мои недомогания и болячки вдруг куда-то исчезли, как будто их и не было. Одним словом, воспрял я и духом, и телом. Каждый день купюся в паровозе, мною хожу пешком, а чеснок да лук и поныне в карманах ношу, как самое незаменимое лекарство.

Вот такая жизнь и есть: терпение и труд все перетрут. Уже и дети подросли, пошли в школу. Идет Юрочка из школы по тропинке над прудом, только головка белеет среди трав на солнышке. Поднимаю пять пальчиков — значит, пятёрка сегодня, порядок. Коровы Лиды принесли доенку парного молока к обеду. Ложит себе, отдыхает под горкой у пруда, жуёт жвачку в своем стаде. Вот оно счастье: жить на земле своими трудами и заботами. Откуда же тогда эти кошмары приходят ко мне по ночам? Из прошлого? А может, из настоящего? Не от того ли счастье наше земное и беззащитным. За детей своих и внуков страшно — не дай Бог и им пройти сквозь эти круги ада.

Подготовил Владимир СТЕЦЮК.

Окончание. Начало в №№ 4—9, 11—14.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ

Степан ПОВОД

На стыке 60-70 годов хиппи, среди которых было множество наследников уважаемых и богатых родителей, потрясли нравственные устои Западного мира. Своим рождением движение хиппи в основном обязано вьетнамской войне. Могли бы быть поэтому в фундаменте этого движения заложен пацифизм.

Кто же они, хиппи, которые сегодня встречаются на улицах Нью-Йорка, Дели, Москвы?

Пожалуй, каждый из нас что-то слышал о них, может быть, даже видел на тусовочных проспектах Санкт-Петербурга, Киева, Кривого Рога. У нормального обывателя мнение о них однозначно: черт знает что такое, одеваются хуже бомжей, на голове не волосы, а намытые и нерасчесанные гривы. Естественно, у нас, приличных граждан, не может не возникнуть недоумение по поводу того, что кто-то ходит не в «малышках» и не в турецких свитерах. Мы уже забыли о недавних временах, когда дружинники на танцплощадках обрывали нам «кеша», резали джинсы и волосы. Мне же захотелось узнать о хиппи больше, чем знают все. Не доверяя фантазиям книжных сочинителей, я начал искать личного знакомства с представителями таинственного братства хиппи.

Мне повезло. В начале лета я чисто случайно познакомился с Саидом. Знакомство завязалось и развивалось на почве нашего поклонения Б. Г. (Борис Гребенщиков). Но затем наши разговоры с музыкой стали переходить на другие темы. И тут запахло неладным. Темы, предлагаемые Саидом, были жутко интересными. Но я в них абсолютно «сплавал». На исходе пятых суток нашего знакомства Саид сознался, что он хиппи, рассказал, что к обществу примкнул давно и чувствует себя там неплохо.

На зиму хиппи впадают в зимнюю спячку, т. е. «закрываются» к кому-нибудь из своих и переживают морозы, а с наступлением лета они выплывают из подвалов, как морок, мастеров художников и устремляются к морю, на летние тусовки.

Через пару дней Саид предложил мне поездку на одну из хиппарских тусовок, что в поселке Рыбачьем, неподалеку от Алушты. Сбор был недолгим. Он пояснил: брать лишнего не надо. Одежда, 30 рублей и немного еды. При этом добавил, что сытый хиппи хуже пьяного металлиста. Начало интриговало. Рассказывать о том, как мы «закрываются» в поезд, как добралась до места — не буду. Долго, и мало интересного. Хотя это было моим первым испытанием на дороге к познанию страны хиппанов.

И вот, после непривычных для меня мытарств, мы вступили на раскаленный солнцем крымский берег Черного моря.

Тут я вынужден сделать небольшое отступление: По рассказам Саида, я понял, что как только мы ступим на обетованный берег, то сразу же окунемся в миа волосатых, поющих и кричащих людей. Но...

На пляже загорали совершенно нормальные советские граждане. В нормальных советских плавках модели чуть ниже пупа и чуть выше колена. В прибрежной волне резвились детишки и их стройные и не очень мамы. Папы лениво по-

тягивали привезенное с собой вино. Пели птички. И вообще все было по-домашнему уютно и прилично. Меня уже было начала согреть надежда, что хиппи — это не так страшно. Но Саид поспешил меня «обломать», обронив на ходу короткую фразу: «Это «щивилы», хиппи там», — и ткнул пальцем по ходу нашего движения. Это тоже обнадеживало, но не очень.

Мы оставили позади еще пару

ГОЛЫЕ ХИППИ НА ФОНЕ МОРСКОЙ ВОЛНЫ

километров пляжа и как-то неожиданно уткнулись в лежбище совершенно голых мужских и женских тел. Я мысленно на отборном русском: передаю привет Саиду. Мне, вросшему с молоком матери «моральный кодекс», было довольно тяжело сдерживать присутствие человека эмоции при виде подобного зрелища. Забыл о Саиде, я тихонько пробрался поближе к морю, разделся до плавки и заволакился животом на горячий песок. Лежал так очень долго, пока меня не отыскал (по наличию плавки) Саид и не пригласил в одну из палаток. Вел он себя, на мой взгляд, как-то странно. Все время пытался упасть. Наверное, перегрелся. В палатке находилось несколько человек. Видок, конечно, у них, как мне показалось, был не очень. Мягко говоря, на совсем трезвые, они играли на гитаре и флейтах, стучали в барабаны.

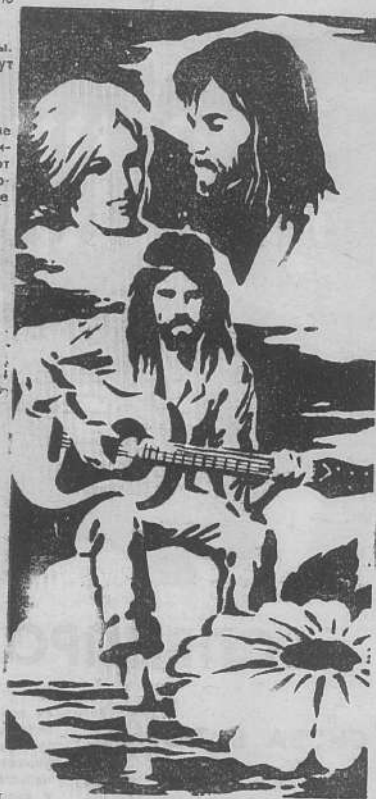
Мой нехиппарский вид сразу же привлек всеобщее внимание, но приняли меня довольно дружелюбно. Разговорились. Общаться с ними было очень легко. Оказалось, что за запыленным внешним видом скрываются очень добрые, веселые, разносторонне развитые и духовно не бедные люди. Многие из них имеют приличное образование, а бывший хиппи Александр Гурнов известен всей стране как популярный ведущий телевещаний.

Мы говорили о людях, о жизни, о природе. Говорили откровенно без всякой лжи, что сегодня встречается очень редко. Я понял, что хиппи отличаются от нас, нормальных, не только внешним видом. Их не волнуют наши бытовые дразни, вечные очереди, желание съесть себе подобного. А то, что пьют, так это из-за того, что не видят prospects в нашем благоухающем нечистотами обществе. Из-за своего мировоззрения они слабы в зубах и в кулаках, чтобы жить, как все. Но зато они сильным духом и видят спасение для людей только в любви. Не в той любви, которую нам преподносят кинозвезды и ласковые попелцы, где за поцелуем следует постель, а дальше пусто. (Хотя никто из хиппарей о девиственности не забьется). Они видят спасение в любви к земле, деревьям, цветам и естественно, друг к другу. Любят

их Бог. Ей они молятся. Любовью живут.

Но все это понятно, скажете вы. Бездельники, где же они берут деньги на одежду, еду?

Про одежду много говорить не приходится, тут, как говорится, «зимой и летом одним цветом». А вот насчет еды разговор особый. Первый способ прокормиться — пустые

Мне все больше и больше нравилось общение с хиппи. О расставании не думали. Но в одно, как обычно, облаканное солнцем, утро мы узнали, что какие-то «нормальные» и, по всем справкам, здоровые на голову люди решили «поиграть в путчи».

Тут уже стало не до отдыха. Хиппаны решили уходить в горы, а я — возвратиться домой. Расставались без особого желания. Я не успевал записать адреса. Договорились о встрече на следующий год. Если выживем.

Добрался домой и узнал, что «игра» окончена. Слава Богу. Страшно было не так за себя, как за хиппанов. При том красном порядке, в который нас снова пытались загнать, им бы вряд ли удалось выжить. Мы уж, «нормальные», как-нибудь перетерпели бы... Как обычно...

... На нашу землю ниспосылает хмурая осень. А мы в очередях, в транспорте, на митингах грыземся за скудные лучи умирающего солнца. «Жизнь — это борьба», — утешают нас классики. Но мне почему-то так хочется вернуться в лето, к голым хиппи на фоне морской волны.

Олег СУСЛОВ.

Криворожские Известности

Приложение к еженедельнику «Металлург». Выходит 2 раза в месяц. Редактор О. ПАВЛОВ.

Над выпуском работали:

Бригада журналистов: С. Дарага, В. Нечипорук, Г. Омельницкий, В. Стецюк, Манат: Л. Минухина. Оформление: В. Кондратьев. Корректор: Г. Михновская. Набор: Е. Литвин. Верстка: О. Жигаловская, М. Сылко.

Печать: И. Цальяр, А. Черник, Н. Макогон.

Учредители:

Криворожский металлургический комбинат «Криворожсталь».

Агро-промышленное объединение «ВЕК».

Свидетельство о регистрации ДП № 100.

Адрес редакции: 324095, г. Кривой Рог-95, комбинат «Криворожсталь», Телефоны: редактор 78-49-27, заместитель редактора 78-47-35, ответственный секретарь 78-34-82 корреспонденты 78-47-35

Криворожская городская типография имени 50-летия газеты «Правда» Управления по делам издательства и полиграфии Днепропетровского облисполкома, 324200, г. Кривой Рог заместитель редактора 78-47-35, Печать высокая, Объем 2 в. л. Тираж 12000. Зан. 6991. Индекс 30402.